

МАГИЯ
ВИКТОРИАНСКОГО ДЕТЕКТИВА

ШАРЛОТТА БРАНДИШ

ДРАМА

В ГРИФФИН-ХОЛЛЕ,
или ОТРАВЛЕННЫЙ УИК-ЭНД

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-55
Ш21

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Серийное оформление — *Василий Половцев*
Иллюстрация на обложке — *Ирина Круглова*

Брандиш, Шарлотта.

Ш21 Драма в Гриффин-холле, или Отравленный уик-энд:
[роман] / Шарлотта Брандиш. — Москва: Издательство АСТ,
2023. — 416 с. — (Магия викторианского детектива. XX век).

ISBN 978-5-17-157408-6

Восточная Англия, Саффолк, 1934 год. В маленькой деревушке происходит экстраординарное событие — убийство. И где?! В добропорядочном Гриффин-холле.

Сюда по приглашению хозяина, пожилого и весьма достойного джентльмена, съезжаются родственники на уик-энд, но долгожданную встречу омрачает преступление. Отыскать убийцу и распутать хитросплетения семейной драмы предстоит энергичному инспектору местной полиции Джастину Оливеру и его помощнику, сержанту Киркби. Однако с каждой новой уликой дело запутывается еще больше.

Параллельно своё расследование ведут и близнецы Адамсон, брат и сестра, которые хотят выяснить правду и защитить тех, кто им дорог, что вызывает недовольство детектива и кажется ему крайне подозрительным.

Кто раскроет дело первым? И кто из гостей хладнокровный убийца?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-55

© ЛитРес, 2023

© Брандиш Ш., 2023

© ООО «Издательство «АСТ», 2023

ISBN 978-5-17-157408-6

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

в которой Грейс Хоггарт получает письмо

Без четверти семь утра Грейс Хоггарт, молодая женщина с усталым лицом и тусклыми каштановыми волосами, собранными в небрежный узел, внимательно посмотрела на своего мужа. Она ожидала ответа на заданный ею вопрос, но тот отвечать не торопился. Может быть, и правда не расслышал, погружившись в мысли о предстоящем ланче с одним из инвесторов, а может, не знал, как ответить, чтобы избежать очередной ссоры.

— Ну и что же? — потеряла она терпение. — Ты сегодня опять допоздна?

— Передай мне, будь добра, серый галстук, — попросил Майкл, не глядя на жену.

Грейс резким движением протянула шелковый галстук с жемчужным отливом, вопросительно заглядывая мужу в лицо и ненавидя себя за это.

— Я всего лишь хочу знать, когда ты соизволишь вернуться домой, Майкл, — перешла она в наступление, не в силах сдержаться. — Разве я так уж многого требую? Мне нелегко в одиночку управляться с Полли, особенно сейчас, когда у нее режутся первые зубки. Я все время чувствую себя усталой. Няня приходит только на пару часов в день, я элементарно не успеваю восстановить силы. Разве ты не понимаешь, что нужен мне?!

Голос жены дрожал от плаксивого раздражения, и Майкл недовольно вздохнул. Лоб его покрылся тонкой сетью морщинок, какая бывает у всех любителей проводить много времени на солнце.

— Грейси, душка, ну мы ведь уже тысячу раз об этом говорили. У меня есть работа и обязательства перед фирмой. Я не могу засесть дома, как ты, и предаваться уютным домашним занятиям. У каждого из нас свои задачи. Ты занимаешься

хозяйством и Полли, я зарабатываю деньги. А они, знаешь ли, не из воздуха берутся. Если я не оправдаю ожиданий руководства, нам придется туго, и вряд ли дедуля Крэббс даст нам хоть пенни. В конце концов, у всех женщин рождаются дети, и они как-то с ними справляются. Это нормальный ход вещей, а не какое-то особенное событие. Не глупи, Грейси, и не будь такой буквой, — закончил он почти весело, обрадованный, что сумел, как ему показалось, отыскать верный тон в разговоре с женой.

От его слов у нее перехватило дыхание. Майкл говорил с ней как с неразумным ребенком, и Грейс снова ощутила подступающий к горлу ком обиды.

Ей захотелось схватить его за руку, заставить посмотреть на себя, прокричать прямо в лицо: «Нормальный ход вещей?! Не какое-то особенное событие? Да что ты знаешь об этом, чтобы такое говорить?! Это я пожертвовала своим телом, чтобы Полли пришла в этот мир! Это я вместе с ней боролась за ее первый вдох! Отдала часть себя для того, чтобы у нас была дочь!»

Грейс сглотнула, чтобы слюна прокатилась по мгновенно пересохшему горлу, но, уже разомкнув губы, нашла в себе силы промолчать.

— И все же когда ты вернешься? — спросила она как можно спокойнее, маскируя свое взбудораженное состояние отстраненным видом.

Майкл издал длинный вздох мученика и, уже не пытаясь казаться дружелюбным, пробурчал:

— Вернусь, как только покончу с делами. Ужином можешь не заниматься, я поем в клубе. У меня там встреча с Саймоном Бейли. Так что рано не жди.

Чувствуя в душе бурю, Грейс сочла за лучшее покинуть комнату. Молодая женщина направилась вниз, в крохотную кухню, у которой было только одно достоинство — широкое окно, выходящее в небольшой и не слишком ухоженный сад, чтобы заварить себе чашку чая, и услышала, как Полли проснулась. Ее требовательный крик, с каким она всегда возвещала миру о пробуждении и который вызывал у Грейс гордость за

жизнестойкость дочери — уже в первые часы своей жизни вынужденной бороться за то, что другие получали даром, вынужденной сражаться за право обрести свою историю, — сейчас показался миссис Хоггарт одним из способов давления.

Ей снова пришли на ум слова Майкла и его снисходительный тон, и изнутри обожгло жаркой злобой. Чувство было таким сильным, что Грейс испугалась: а не помутилась ли она рассудком? Вдруг во время рождения Полли с нею что-то произошло? Та ночь была поистине ужасной, и вполне вероятно, что она не прошла бесследно ни для измученного тела, ни для разума молодой женщины. Объясняет ли это то, почему она стала такой подозрительной и при этом вечно уставшей, озлобленной, плаксивой и ненавидящей саму себя?

Неудивительно, что Майкл разговаривает с ней немногим более серьезно, чем с надоедливым ребенком. В его глазах она теперь совсем не та девушка, на которой он женился всего два года назад. Подумав так, Грейс вдруг с ясностью осознала, что и он теперь вовсе не похож на того заботливого и внимательного мужчину, за которого она выходила замуж и с которым собиралась прожить всю свою жизнь.

Хлопнула входная дверь. Медленно поднимаясь в детскую, где проснувшаяся малышка проверяла свои легкие на прочность, Грейс поймала себя на мысли, что испытывает к Майклу смутную неприязнь. Такое чувство обычно посещает ослабевшего от изнурительной болезни человека, которому наносит визит преступно жизнерадостный приятель, вовсе не скрывающий намерения наслаждаться жизнью и всеми ее дарами сразу же после того, как покинет больничную палату.

Взвинченное состояние Грейс повлияло и на малышку Полли. Она долго не могла успокоиться и буквально измучила мать, отказываясь от бутылочки с разведенной смесью и надрываясь от крика. Бессловесная ярость дочери как будто питала свежеиспеченную враждебность Грейс к мужу, так легкомысленно отнесшемуся к ее жалобам и нуждам, и вскоре молодая женщина пришла в совершенно иступленное состояние.

Шагая по комнате, она вела воображаемый диалог с Майклом, высказывая ему все свои соображения по поводу вечерних отлучек и бесконечных партий в гольф по выходным якобы с партнерами фирмы. Грейс в овладевшей ею лихорадке отчаяния уже не замечала, что не укачивает ребенка, а резко встряхивает, отчего малышка заходится в надрывном неистовом плаче.

Так своевременно раздавшийся звонок заставил молодую мать вздрогнуть и остановиться. Словно очнувшись от тягостного сна, она посмотрела на Полли и ужаснулась ее виду. Вся красная, с бледным треугольником возле крошечного алого рта, девочка сжимала и разжимала кулачки, изгибая напряженное тельце так сильно, как будто желала во что бы то ни стало покинуть объятия матери. Малышка уже не кричала, она лишь издавала протяжные хнычущие звуки, похожие на жалобный плач небольшого зверька.

Сердце Грейс сжалось от раскаяния. Вернув Полли в кроватку, она опростелась кинулась к входной двери и распахнула ее.

— Доброе утро, миссис Хоггарт. — Профессиональная няня из агентства Хартфилда ничем не выдала удивления из-за неряшливого внешнего вида нанимательницы.

— Боже мой, как же я вам рада, мисс Бэбкок! — чуть не плача выкрикнула Грейс, суетливо поправляя воротничок блузки. — Полли сегодня неважно себя чувствует, и я с ног сбилась, пытаюсь ее накормить. Просто ума не приложу, что я делаю не так. Как думаете, может, ей требуется осмотр доктора?

Снимая пальто и несколько щеголеватую для женщины ее возраста шляпку, невозмутимая мисс Бэбкок успела не только успокоить взвинченную утренними событиями Грейс, но и получить всю необходимую информацию о состоянии своей подопечной. Профессионализм няни успокаивал и внушал надежду на то, что все как-нибудь наладится, а трудности не иначе как временные и вполне преодолимые. Именно поэтому мисс

Бэбкок в агентстве Хартфилда считалась самой квалифицированной няней и не стеснялась брать плату по двойному тарифу.

Гораздо более спокойная, чем полчаса назад, Грейс, умывшись холодной водой и оставив Полли на попечение няни, отправилась в кухню, чтобы приготовить себе чашку крепкого и сладкого чая. Незадавшееся с самого начала утро заиграло новыми красками, как только струя кипятка закрутила чайники в бурном водовороте. Ощущая, как туго скрученная пружина, таившаяся где-то глубоко внутри, медленно распрямляется, Грейс с блаженным вздохом опустилась в низкое кресло и подложила под спину вышитую гладью подушку. Такие подушки все члены семьи в избытке получали от тетушки Розмари, для которой не составляло никакого труда изобразить на бархате или шелке хоть пастораль в духе Ватто, хоть лондонский Биг-Бен, поразительно напоминающий оригинал. Майкл всегда пренебрежительно закатывал глаза, когда распаковывал очередной шедевр, присланный к празднику, а Грейс эти вещицы казались милым пережитком, осколком довоенной эпохи, ушедшей вместе с «Титаником» на дно времен.

Только сейчас она заметила, что на серебряном подносе для корреспонденции, задвинутом в самый угол стопки начищенных противней, лежит желтый конверт. Миссис Кэррингтон, приходящая прислуга, помогающая Грейс трижды в неделю, по какой-то неизвестной причине никогда не отдавала письма и телеграммы непосредственно в руки, а всегда складировала их на поднос, который помещала в самые неожиданные места. Привычка эта была настолько же неискоренима, насколько и загадочна.

Острое предчувствие скорых перемен заставило Грейс прерывисто вздохнуть. Сама не понимая почему, она долго не решалась вскрыть конверт, хоть и узнала небрежный рваный почерк с сильным наклоном влево. «Миссис Грейс Хоггарт, коттедж „Семь вьюнков“, Лексден-энд-Уинстри, Эссекс» было написано на нем голубоватыми чернилами. Майкл в качестве адресата не упоминался вовсе.

ГЛАВА ВТОРАЯ,

в которой Розмари Сатклифф с большим воодушевлением относится к получению письма в желтом конверте и с куда меньшей радостью встречает старинную знакомую

— Боже мой, как это не вовремя! — с досадой воскликнула Розмари Сатклифф, пожилая аккуратная леди с печальными складками у рта, растерянно вглядываясь внутрь непрозрачной стеклянной банки.

На донце виднелась невразумительная толика коричневого порошка. Было совершенно ясно, что его не хватит даже на одну порцию горячего шоколада. «Надо же было этому случиться именно сейчас, когда в гостиной сидит эта противная Мэдди Эндрюс», — возмущенно подумала Розмари, поджав тонкие выцветшие губы.

Мэделин Эндрюс, проведя вместе с мужем, военным атташе, множество лет в Бенгалии, недавно овдовела и вернулась в Англию. С достойным лучшего применения пылом она принялась восстанавливать светские связи, не пренебрегая даже товарами по пансиону, которых не видела без малого тридцать пять лет. Общительность визитерши не знала границ, и сразу же после обмена приветствиями и натужными банальностями она умудрилась ввести Розмари Сатклифф в курс всех главных событий своей насыщенной жизни.

Чувствуя, что ей требуется передышка, та отправилась на кухню приготовить им обоим горячий шоколад — и вот надо же, какая неприятность! Мэдди и так уже успела обшарить своими не в меру любопытными тускло-серыми глазками всю обстановку скромного коттеджа, подметив и искусно починенные занавеси на окнах, и потрепанный ковер, и вытершуюся на подлокотниках обивку кресел. Взгляд, которым она

окинула затем подругу, говорил о том, что Мэдди Эндрюс уже мысленно прикидывает, в каких выражениях будет описывать общим знакомым бедственное положение приятельницы.

«Черти тебя принесли на мою голову, — злобно подумала Розмари, сама поразившись такому не свойственному для себя выражению. — И зачем я только ответила на твое письмо. Надо было использовать его для растопки камина!»

Чайник закипел, а проблема так и не решилась. Можно было, конечно, распечатать последнюю упаковку приличного дарджилинга, который хранился в самой глубине кладовой, чтобы не ударить в грязь лицом перед этой Эндрюс, но Розмари отчаянно жалела остатки драгоценного запаса.

В конце концов после длительных колебаний ей пришлось пойти на это. Право, невозможно ведь подать на стол простой кипяток! Хватает и того, что чай ей приходится готовить и подавать самой.

Выложив на щербатое фарфоровое блюдце строго два кусочка подсохшего кекса с цукатами, Розмари понесла в гостиную безупречно начищенный поднос.

— Дорогая Мэделин, надо же, какая я стала рассеянная! Совершенно позабыла пополнить запасы шоколада. Поэтому я заварила нам отличный крепкий дарджилинг. То что нужно в такой прохладный осенний день! — безудержно оптимистичным тоном сообщила она.

Принимая от хозяйки чашку с истончившимися краешками, гостя благодарно улыбнулась и постаралась незаметно принюхаться к ее содержимому. От темной непрозрачной жидкости исходил явственный запах копченой рыбы.

После секундного замешательства Мэделин Эндрюс вновь обрушила на Розмари поток своего красноречия. Воспоминания о пансионе, юмористические зарисовки путешествий по Индии, пикантные подробности биографий немногочисленных общих знакомых — все эти сведения гостя преподносила с обезоруживающей категоричностью.

Уже через полчаса ее надтреснутый голос стал Розмари ненавистен. Не в силах вникать в слова собеседницы, она смотрела на ее без усталости шевелящиеся бледные губы, путешествовала взглядом по пышному кружевному воротнику блузы, разглядывала редкие, подозрительно темные по контрасту со светлыми ресницами брови, а сама мысленно умоляла: «Пожалуйста, Господи, сделай так, чтобы она ушла! Я ни о чем тебя не попрошу до самого Рождества, честное слово, только пусть она уйдет!»

Внезапно Мэделин Эндрюс поставила чашку с нетронутым чаем на столик и с сожалением покачала головой:

— Да, Розмари, как подумаешь, сколько воды утекло... Целая жизнь прошла, а мы и не заметили. — Глаза гости заблестели.

Розмари Сатклифф затаила дыхание и даже приготовилась изобразить бодрую улыбку, чтобы попрощаться со старинной приятельницей, как того требовали приличия. Однако Мэделин Эндрюс вовсе не исчерпала запас любопытных, на ее взгляд, историй.

Завершив поистине неистощимую тему перипетий, выпавших на долю собственной семьи, Мэделин Эндрюс перешла к рассказу о своем путешествии. Описывая весьма разношерстное общество, в котором она оказалась, гостя долго терроризировала Розмари ненужными деталями и сумбурными отступлениями. Под конец она присовокупила к этой теме воспоминания о Великой войне, которая отняла у нее двоих старших сыновей.

— Да, дорогая, потери, которые мы все понесли, невыполнимы. Нам остается лишь благодарно хранить в сердцах память о тех, кто отдал жизнь за спасение своей страны. И Ричард, и Келвин, несмотря на юность, показали себя храбрыми воинами. И твой племянник Генри, о котором ты писала мне в 1918-м, удостоился посмертной награды. Совсем еще мальчишки... — Покачав головой, она тяжело вздохнула и умолкла, не в силах продолжать.

Перед мысленным взором Мэделин Эндрюс стояли ее сыновья, такие, какими она запомнила их в последний день, перед отправкой на позиции. Это воспоминание стерло с ее лица властность и надменность, вернуло чертам былую мягкость. Розмари тоже на мгновение дала себя увлечь фантомам прошлого, вот только среди них не было места племяннику. Ей вспомнился совсем другой человек, которого, казалось, ее память похоронила под грузом прошедших лет. «О, Аллан!» — это имя отозвалось привычной болью, и Розмари тут же вновь рассердилась на старую подругу, походя разбередившую сердечные раны.

Мэделин Эндрюс, справившись с минутной слабостью, бесстрашно отпила глоток давно остывшего чая, подернутого мутной пленкой.

— Сохранить в памяти их подвиг — вот то единственное, что мы можем сделать для них теперь, — провозгласила она и воинственно поджала губы. — И помнить подвиг тех, кто исполнял свой долг в тылу. А таких верных сынов своей страны было немало. И уж совершенно недопустимо порочить честные имена тех, кто по здоровью или в силу возраста не мог воевать на передовой и занимался снабжением армии.

Гостья, забывшись, отщипнула кусочек кекса, который ранее сочла подозрительным и непригодным в пищу, и положила в рот. После этого ей пришлось сделать еще один глоток остывшего чая.

— Именно так я и сказала этому невоспитанному молодчику, который принялся нести чушь про махинации с поставками во время войны и тому подобный бред. «Вы лжете самым постыдным образом, молодой человек! Ни один истинный британец не способен обкрадывать свою страну, свою армию. Да еще в такое тяжелое для всех время!» — сказала я ему прямо в лицо, и меня поддержали все присутствующие — а я сидела за одним столом с помощником капитана. Подумай только, Розмари, кем надо быть, чтобы утверждать такой вздор! Мне стыдно за нынешнее поколение. Я специально запомнила имя этого грубияна, чтобы рассказывать всем знакомым о его